

ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ Д. НОРТА

Анализируются взгляды известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии Д. Норта, в центре внимания которого - проблема соотношения формальных и неформальных институтов, импорта институтов и влияния институтов на экономический рост.

Одним из самых быстроразвивающихся и перспективных направлений современной экономической мысли является неоинституционализм, или новая институциональная экономическая теория, сформировавшаяся в 1960-70-х гг. Уже в 1980-х гг. в «новом» институционализме четко обозначились следующие области исследований:

- анализ институциональной среды и ее влияния на поведение экономических агентов;
- анализ контрактных соглашений (экономических организаций);
- анализ процессов формирования и отбора социальных институтов, т.е. институциональной эволюции.

Теория институциональной эволюции (изменений) является институциональным ответвлением «новой экономической истории», возникшей в 1950-60-х гг. В одном из ее ответвлений, связанных с именем Р. Фогеля, акцент делается на использовании экономико-математических методов для анализа исторических процессов, а в другом - исторический процесс рассматривается с точки зрения эволюции институтов, транзакционных издержек, прав собственности. Ее родоначальником является Дуглас Сесил Норт, американский экономист, специалист в области экономической истории, лауреат Нобелевской премии за 1993 г.

Д. Норт считается создателем теории институциональных изменений, целью которой является выявление внутренних (эндогенных) факторов, способствующих изменению как отдельных институтов, так и институциональной структуры общества. К созданию такой теории американский экономист шел длительным путем, анализируя и обобщая огромный фактический материал из истории США и других стран и меняя предпосылки анализа. В работах Д. Норта 1960-х гг. ставился вопрос о роли институциональных факторов в экономическом развитии, дается своеобразная интерпретация понятия «институт», анализируется эволюция институциональной структуры общества. В 1970-х гг. в работе «Институциональные изменения и американский экономический рост», написанной в соавторстве с Л. Девисом, объясняется как и почему формируются группы интересов, способные изменять правила, их ограничивающие. В совместной работе Д. Норта и Р. Томаса «Подъем Западного мира: новая экономическая история» предпринимается попытка объяснить развитие Европы за 8 веков. В 1981 г. в книге «Структура и изменение экономической истории» Д. Норт признал влияние идеологии в качестве фактора, объединяющего индивидуумов. В вышедшей в 1990 г. и переведенной на русский язык книге «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» автор рассматривает причины и последствия институциональных изменений. Он отмечает, что современная экономическая теория изучает рынки, не учитывая необходимых для их создания институциональных установ-

лений (они предполагаются уже существующими). Задача институциональной теории - показать, каким образом происходит изменение институциональной структуры общества.

В работах Д. Норта предлагается новый взгляд на институциональную структуру общества, используются такие ключевые для «нового» институционализма понятия, как «права собственности» и «транзакционные издержки» для оценки известных исторических событий. Но, по мнению самого Д. Норта, если в работах представителей новой институциональной теории исследуется влияние институтов и организаций на экономическую эффективность, то в центре его внимания оказываются вопросы формирования и эволюции институтов и организаций, выявление внутренних (эндогенных) факторов институциональных изменений. Не случайно Д. Норта и других авторов, занимающихся этими проблемами, относят к институционально-эволюционному направлению. Именно это обстоятельство объясняет популярность идей Д. Норта в России, переживающей процесс трансформации. Другой причиной интереса к работам американского экономиста, на наш взгляд, является преимущественно вербальный характер его теории, использование не только неоклассического инструментария, но и понятийного аппарата эволюционной теории.

В центре внимания Д. Норта оказалось понятие «институт». Институты являются основной единицей анализа. Но при этом сохраняется предпосылка об индивидуальном поведении человека как максимизирующего существа. Институты, замечает Д. Норт, созданы людьми. Люди развивают и изменяют институты, поэтому наша теория должна начинаться с индивида [2. С. 20]. В то же время ограничения, накладываемые институтами на человеческий выбор, оказывают влияние на поведение индивида. Предложенное американским экономистом определение института чаще всего используется российскими исследователями институциональной экономики.

По Норту, институты представляют собой рамки, в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом. Они включают:

- формальные (писанные) ограничения в виде правил и предписаний (например, конституция, контракты, указы и т.п);
- процедуры по обнаружению и пресечению поведения, отклоняющегося от установленных правил;
- неформальные (неписанные) кодексы поведения, обычаи, привычки, ограничивающие сферу действия формальных правил и процедур. Причем, по мнению Д. Норта, обычаи и традиции могут служить эффективным заменителем формальных институтов, обеспечивая тем самым значительную экономию ресурсов. В более короткой формулировке: институты - это «структурные формы человеческих взаимодействий, это сочетание правил, механизмов, обеспечивающих их соблюдение, и норм поведения» [5. С. 79].

Институты выступают фундаментальными факторами функционирования экономических систем в долгосрочной перспективе. Обеспечивая кооперирование между людьми, они уменьшают неопределенность путем установления устойчивой структуры взаимодействия между ними. Институты, согласно Д. Норту, организуют жизнь человека таким образом, чтобы он не задумывался о большей части своих действий, являющихся регулярными, повторяющимися и очевидными. «Институциональные установления образуют правила игры... или изобретенные людьми ограничения, которые формируют взаимодействие между людьми» [4. С. 307]. Эффективные рынки возникают под воздействием этих институциональных установлений, позволяющих сократить издержки на заключение и поддержку контрактов.

Д. Норт полагает, что иностранцы, пытающиеся делать бизнес в другой стране, но не освоившие сложившихся в ней правил и норм поведения, будут нести высокие транзакционные издержки. И только тогда, когда они их освоят, они смогут эффективно обмениваться информацией и участвовать в различных формах социального, политического и экономического обмена. «Именно нормы поведения являются важнейшим источником стабильности человеческих отношений» [5. С. 79].

Главная функция социальных институтов состоит в минимизации транзакционных издержек. Д. Норт, рассматривая историю развития общества, показывает, что в условиях персонализированного обмена транзакционные издержки отсутствуют. По мере роста разделения труда, специализации, расширения меновых отношений складывается мир специализированной взаимозависимости, обусловивший увеличение транзакционных издержек, в том числе и издержек оппортунистического поведения (обман, подлог, нарушение соглашений и тому подобное). Это привело к появлению третьего участника обмена - государства, задачами которого являлись спецификация прав собственности и обеспечение соблюдения договоров. Собственно говоря, соотношение между введением результатов, полученных от введения правил, определяющих эффективные права собственности и защиту этих прав, играет, по мнению Д. Нортона, «важную роль в истории становления прав собственности (в рамках противостояния общественной и частной собственности)». Была создана сложная институциональная структура, включающая систему договорного права, взаимных обязательств, гарантий, торговых марок, системы мониторинга и т.п. Институциональная система, определяющая набор возможностей для индивида, является, по его мнению, сложным сочетанием формальных и неформальных ограничений. Анализируя сложившуюся институциональную структуру, Д. Норт уделяет особое внимание роли государства как фактора, влияющего на транзакционные издержки.

Обращаясь к проблеме исторического развития, американский ученый считает, что ключом к пониманию этого процесса являются именно институциональные изменения. Изменение институциональной структуры, по мнению Д. Нортона, - сложный процесс. Неформальные институты складываются спонтанно, без чьего-либо сознательного замысла (заметим, что идея институциональной метаконкуренции была выдвинута К. Менгером и активно разрабатывалась Ф. Хайеком).

Изменения в неформальных нормах (ограничениях) осуществляются постепенно и нередко являются подсознательными, формируя альтернативные модели поведения. Формальные институты и механизмы их защиты устанавливаются и поддерживаются сознательно, в основном государством. Изменения формальных институтов может происходить одновременно в результате принятия тех или иных политических или юридических решений. Причем эти институты представляют определенную иерархию, включающую правила высшего порядка и правила низшего порядка (например, конституция - закон - административный акт). Последние изменяются достаточно легко, а вот правила высшего порядка — значительно труднее. Институциональные изменения - это сложный процесс, который, как правило, имеет инкрементальный, а не дискретный характер [2. С. 21].

«Формальные правила можно изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических решений» - считает Д. Норт, а «неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям» [2. С. 21]. В связи с этим американский ученый так оценивает революцию в России в 1917 г.: «она привела к резкой, одномоментной ломке формальных институтов, неформальные сохранялись очень долгое время, проявляясь в повседневной практике людей (вспомним, как долго в Советской России говорили о пережитках капитализма).

Д. Норт выделяет два основных источника изменений институтов (как формальных, так и неформальных). Первый - сдвиги в структуре относительных цен. Технический прогресс, появление новых видов продукции, открытие новых рынков, рост населения ведут к изменению цен конечной продукции по отношению к ценам факторов производства либо к изменению цен одних факторов по отношению к ценам других. В таком случае участники сделки понимают необходимость пересмотра ее условий. В результате будет предпринята попытка изменить условия соглашения с учетом изменившихся цен. Но поскольку ранее заключенные соглашения (договоры) встроены в иерархическую систему правил, то такой пересмотр контрактов может потребовать пересмотра какого-либо правила более высокого порядка (фундаментального правила). Неформальные нормы под влиянием ценовых сдвигов также могут изменяться, но постепенно по мере формирования альтернативных моделей поведения.

Второй источник институциональных изменений - идеология, под воздействием которой формируется структура предпочтений людей. Под идеологией Д. Норт понимает субъективные модели, через призму которых люди осмысливают и оценивают окружающий мир. А.Н. Олейник, ссылаясь на ряд работ Д. Нортона, приводит следующее определение: «Под идеологией понимается способ восприятия ежедневно возникающих проблем, который позволяет минимизировать количество информации, требуемой для их решения (позитивное определение), и суждение о справедливости и легитимности институциональных рамок, в которых действует индивид (нормативное определение)» [6. С. 193-194].

Роль идеологии растет пропорционально издержкам. Мир развитой специализации и разделения труда,

существование сложнейших организаций и систем обмена, считает Д. Норт, были бы невозможны в условиях отсутствия идеологии. Подчеркивая значение этого фактора в своих работах 1990-х гг., Д. Норт отчетливо понимает сложность, стоящую перед исследователями. Он замечает: «...так что нам все еще трудно выразить в точных понятиях взаимодействие между изменениями относительных цен, идей и идеологий, формирующих представления людей, и роль всех этих факторов в институциональных изменениях» [2. С. 111].

По мнению Д. Норты, экономические агенты постоянно стоят перед выбором, что выгоднее - сохранить существующие «правила игры» или же изменить их? Состояние институционального равновесия определяется им как ситуация, в которой экономические агенты не заинтересованы в перестройке существующей институциональной структуры. Как ситуация, в которой «при данном соотношении сил игроков и данном наборе контрактных отношений, образующих обмен, ни один из партнеров не считает для себя выгодным тратить ресурсы на реструктуризацию соглашений» [2. С. 112]. Сложившаяся институциональная структура как сложное взаимодействие формальных правил и неформальных ограничений, наряду с механизмами принуждения к их исполнению, обеспечивает стабильность общественной системы. Но возникает вопрос, являющийся важнейшим для новой экономической истории: всегда ли достигнутое состояние институционального равновесия является эффективным? Всегда ли стабильность означает эффективность?

В ранних работах Д. Норты и Р. Томаса развивалась «оптимистическая» модель институциональной эволюции, согласно которой в ходе институциональных изменений при условии незначительных институциональных издержек неэффективные институты заменяются эффективными, обеспечивающими снижение транзакционных издержек и высокие темпы экономического роста. Кроме того, выдвигалась идея о том, что любые исходные различия в экономическом развитии разных стран должны сглаживаться по мере того, как отстающие страны будут перенимать (импортировать) институты более развитых стран. Позднее оптимизм сменился констатацией того факта, что в истории человечества экономический рост был скорее исключением, чем правилом. Импорт институтов не всегда приводит к повышению эффективности производства, к ускорению темпов экономического роста.

Спорным явилось и представление о том, что процесс возникновения более сложных институтов происходит прямолинейно и автоматически. Все общества пройдут путь от первобытных к обществам современного типа. (Подобная точка зрения достаточно распространена. Так, директор Неправительственного института проблем устойчивого развития А.В. Поздняков считает, что развитие цивилизации не подчиняется идеологии, в том числе и религиозной. Народы, объединенные в государственные целостности, независимо от структуры и политической организации, традиций и религиозных убеждений, пройдут все этапы развития вместе с развитыми государствами.)

Д. Норт в своих поздних работах пытается объяснить две главные загадки истории: почему неэф-

фективные формы экономики существовали тысячелетия и почему развитие разных обществ может идти не сближающимися, а расходящимися путями, почему общества так отличаются друг от друга? «Ведь все мы, в конце концов, - замечает американский ученый, - произошли от первобытного сообщества охотников и собирателей» [2. С. 21]. Кроме того, он обращает внимание еще на один урок истории, заключающийся в том, что политическим системам присуща тенденция производить неэффективные права собственности, которые могут привести к стагнации или упадку. Почему такое возможно?

Д. Норт называет ряд причин.

Во-первых, двойственная роль государства. Обеспечить экономию на транзакционных издержках без участия государства в обществе с плотной сетью социальных взаимодействий (вследствие роста разделения труда и специализации) невозможно. Государство может способствовать экономическому росту, специфицируя права собственности и обеспечивая соблюдение договоров, а может вести себя как «хищник», стараясь увеличить свои доходы. Кроме того, доходы, получаемые правителями, могут быть выше при наличии неэффективных институтов, «при такой структуре прав собственности, которая хотя и неэффективна, но зато легче поддается контролю и создает больше возможностей для взимания налогов» [5. С. 72]. Очень часто принимаются и соблюдаются те законы, которые отвечают интересам власти придерживающих, а не те, которые снижают транзакционные издержки. Уже в работе 1973 г. Д. Норт и Р. Томас предприняли попытку объяснить экономический рост в терминах прав собственности. По их мнению, «экономический рост будет иметь место, если права собственности таковы, что предпринимать социально продуктивную деятельность целесообразно. ...Защиту и обеспечение прав собственности берут на себя правительства, так как они могут осуществить это с меньшими издержками, нежели неофициальные группы на добровольных началах. Однако финансовые нужды правительства могут вызвать такую защиту некоторых прав собственности, которая будет скорее препятствовать, нежели способствовать экономическому росту: поэтому у нас нет гарантий, что продуктивные варианты институционального устройства реально возникнут» [10].

Во-вторых, влияние групп со специальными интересами. Законы принимаются под влиянием сильных политических группировок. Д. Норт принимает в расчет асимметрию между группами особых интересов и обществом в отношении к издержкам и выгодам изменения режима прав собственности. Если государство контролируется одной из групп, производство порядка будет приводить к извлечению дохода данной группой. Согласно взглядам Норты, «...даже, если правители захотят принимать законы, руководствуясь соображениями эффективности, интересы самосохранения будут диктовать им иной образ действий, поскольку эффективные нормы могут ущемить интересы сильных политических группировок» [5. С. 72].

В-третьих, зависимость эволюции институтов от однажды избранной траектории (path dependence). Старые правила уже сложились, и их можно распростра-

нять с минимальными издержками на все большее число людей и сфер деятельности. Создание новых институтов требует крупных первоначальных затрат. Большие ресурсы необходимо затратить и на освоение новых правил, норм, законов, а также на изменение организационных форм, которые связаны с особыми «правилами игры». Даже когда сложившиеся правила и организационные формы становятся неэффективными, издержки, необходимые для их изменения, могут быть чрезвычайно огромными. В таком случае сохранение менее эффективных институтов оказывается более предпочтительным. Эту позицию разделяют Е. Фуруботн и С. Пейович, которые считают, что «новые права собственности создаются, а существующие изменяются, когда некоторые индивидуумы и группы считают, что им выгоднее перестройка системы, и они согласны нести издержки по ее осуществлению» [11. С. 8]. Окончательный вывод таков: любые попытки реструктуризации прав собственности предпринимаются только тогда, когда ожидаемые выгоды превосходят ожидаемые издержки. В силу этого институциональная система может оказаться стабильной независимо от ее эффективности. В реальных обществах, делает заключение Д. Норт, существуют как эффективные, так и неэффективные институты.

В силу ряда условий общество может развиваться по неоптимальному пути, причем чем дальше продолжается это развитие, тем труднее свернуть с однажды выбранной траектории. Инерционный характер эволюции получил название зависимости от предшествующей траектории развития или эффекта исторической обусловленности развития. О такой зависимости говорят в том случае, если «вчерашие институциональные рамки остаются значимыми и ограничивают варианты выбора сегодня и в будущем», т.е. выбор в каждый данный момент в значительной мере предопределен прошлым и в свою очередь способствует поддержанию намеченного пути развития. Как нередко говорят, «история значима».

На примере роста американской экономики XIX в. Д. Норт делает вывод о том, что ее институциональная структура имела смешанный характер. Одни институты способствовали экономическому росту, другие - препятствовали. Это характерно и для современной экономики. Изменения же институтов также могут создавать условия как для подъема, так и для снижения экономической активности. На наш взгляд, политикам, занимающимся проблемами институционального проектирования, важно учитывать понятие «институциональный остаток». Несмотря на наличие неэффективных институтов в экономической системе, система базовых институтов должна поощрять организации к производительной деятельности, а не к перераспределению ресурсов.

Д. Норт доказывает, что трансакционные издержки увеличиваются из-за зависимости режимов прав собственности от траектории развития. Такую же мысль можно найти и в работах Мансура Олсона, утверждающего, что в стабильных обществах с неизменными границами с течением времени растет число сговоров и организаций для коллективных действий. «В конечном счете, организации с особыми интересами уменьшают

эффективность и совокупный доход общества, в котором они действуют» [7. С. 80]. По его мнению, «на протяжении многих лет в британском обществе возникло столь много мощных организаций и соглашений, что сейчас оно страдает от институционального склероза» [7. С. 128]. Эффективная институциональная структура, и прежде всего система прав собственности, оказывается важнейшей предпосылкой роста. Не менее категоричен и вывод М. Олсона о том, что периоду быстрого экономического роста способствуют крупные институциональные изменения.

Анализируя исторический процесс с точки зрения институциональных изменений, Д. Норт рассматривает два переломных момента мировой экономической истории, которые он обозначает как первую и вторую экономические революции. В его трактовке термин «экономическая революция» предполагает три различных изменения хозяйственной системы:

- 1) изменение производственного потенциала общества в результате;
- 2) фундаментальных изменений в объеме знаний, что порождает;
- 3) равно фундаментальные изменения организации, для того чтобы реализовать этот производительный потенциал [4. С. 312].

Первая - «неолитическая» - революция датируется VIII тысячелетием до нашей эры и связывается с переходом от охоты и собирательства к регулярному земледелию. Фактически предлагается новое объяснение развития сельского хозяйства у первобытных людей, опирающееся, по определению Т. Эггертссона, на новую теорию прав собственности [8. С. 272]. Д. Норт пытался объяснить происхождение собственности как таковой вне связи с социальными и политическими институтами. Возникновение исключительных прав собственности рассматривается путем сравнения издержек и выгод исключения из прав и издержек управления при разделении прав между семьями или отдельными индивидами. Систему собственности до неолитической революции Д. Норт считает неограниченной, общей (фактически собственность отсутствует). Рост численности населения приводил к относительному недостатку ресурсов и снижению отдачи от охоты. В таком случае более привлекательным становится оседлое земледелие и скотоводство, связанное с формированием «исключительной» общей собственности на ресурсы и продукты. Из доступа к ним исключались члены других племен, а для защиты от чрезмерной эксплуатации ресурсов вводились правила, ограничивающие использование земли членами племени - запреты, табу и т.п.

Исключительные права собственности на землю обеспечивали прямые стимулы для увеличения эффективности и производительности. При использовании же лесов такая система была невозможна в силу чрезмерно высоких издержек по установлению и защите прав собственности. Это обстоятельство способствовало решающему преимуществу регулярного сельского хозяйства перед охотой (под сельским хозяйством понимается развитие земледелия и «одомашнивание» животных). Результатом первой экономической революции стал рост продукции, производимой в сельском хозяйстве. По мнению Д. Норты и Р. Томаса, первая экономиче-

екая революция, в результате которой основным видом деятельности стало оседлое земледелие, была революцией потому, что привела к фундаментальным изменениям в системе стимулов деятельности людей. Когда имеет место право общей собственности на ресурсы, у людей нет мотивов приобретать знания и технические навыки, совершенствовать производство. Возникновение исключительных прав собственности создает стимулы повышения эффективности и производительности у тех лиц, кто такими правами обладает.

Вторая экономическая революция произошла в середине XIX в. Основное ее содержание - соединение науки и технологии, создание условий для развития промышленности. В это время произошло изменение отношений между прикладным и теоретическим знанием. Патентное право, законодательная защита деловых секретов, регулирование использования торговых марок и знаков, эффективная структура прав собственности создали стимулы для появления и широкого распространения технических изобретений и соединения науки и техники (производства). Специфицированные права собственности на изобретения увеличили отдачу от научно-исследовательской и изобретательской деятельности и сократили дистанцию между научным знанием и техникой [9. С. 15].

Серьезные институциональные изменения, связанные с развитием научных центров, университетов, разработкой прав на интеллектуальную собственность, прогрессирующее замещение труда капиталом, появление новых материалов и источников энергии способствовали развитию крупного капиталоемкого производства, углублению специализации и разделения труда. Эти изменения обеспечили рост производительности труда, но одновременно, по мнению Д. Норта, привели к значительному увеличению транзакционных издержек (в том числе увеличению издержек измерения, потерь от «отлынивания» в крупных командах, усложнению и увеличению сроков действия заключаемых контрактов, создающих возможности для оппортунистического поведения в форме «вымогательства»).

Появление новых организационных форм, развитие вертикальной и горизонтальной интеграции производства, распространение фирменных знаков, торговых марок, лицензирования и усиление роли государства в этот период были направлены на уменьшение транзакционных издержек. Рассматривая и первую и вторую экономические революции, Д. Норт, как и многие другие исследователи (А. Алчян, С. Чен, Р. Томас), подчеркивает, что права собственности, т.е. права на использование ресурсов, подкрепляются социальными обычаями, правилами поведения, табу, а также правовыми нормами. Соблюдение последних обеспечивается силой государства. Американский экономист делает следующий вывод: роль государства «должна быть достаточно позитивной, чтобы общество смогло реализовать огромный производительный потенциал научно-технической революции последних полутора столетий».

Политическим последствием «второй экономической революции» явилось возникновение многочисленных и мощных лоббистских групп, пытающихся использовать государство в своих экономических целях. В результате наблюдается эрозия эффективной институциональной

структуры, сложившейся в XIX столетии. Д. Норт считает, что тогда, когда институты начинают служить интересам отдельных социальных групп, происходит «дезинтеграция прежней системы прав собственности» и ее заменяет «борьба на политической арене за распределение дохода, созданного потенциалом второй экономической революции». В такой ситуации экономический прогресс может тормозиться или даже приостановиться. В данном случае наивная теория прав собственности связывается с концепцией групп давления (групповых интересов).

В работе «Институты и экономический рост: историческое введение» Д. Норт предпринял попытку сравнительного анализа экономической истории Англии и Испании, а также анализ институциональной структуры английских и испанских колоний. Согласно его представлениям, «контраст между историями Северной и Южной Америки дает наилучший пример того, к каким последствиям для политического и экономического развития приводит различие путей институциональной эволюции».

Позднее Д. Норт обратил внимание на то, что в развитых странах была создана система экономических и политических институтов, позволивших использовать потенциал двух экономических революций. В этой связи он ставит вопрос об импорте институтов. Создать условия, благоприятствующие эффективному развитию, по его мнению, несложно. Импорт формальных правил возможен. Но, считает Д. Норт, «само по себе наличие таких формальных правил не гарантирует эффективности приспособления», не всегда способствует экономическому росту. Анализируя проблему импорта институтов, Д. Норт еще раз подчеркивает значение неформальных норм и правил. Неформальные ограничения - не просто дополнение к формальным правилам, они важны сами по себе. Это, по его мнению, очевидно из того, что одни и те же формальные правила в разных обществах проявляются по-разному. Он ссылается на следующий факт. Во многих странах Латинской Америки после завоевания независимости была принята Конституция США (или ее варианты), многие страны скопировали правовую систему, но развитие их пошло разными путями. Дело в том, что «создание эффективных инвестиционных и товарных рынков есть сложный процесс. ...Единственное, что нам известно, - это то, что создание таких рынков требует дополнения формальных правил неформальными ограничениями и действительными средствами принуждения к соблюдению договоров» [4. С. 315].

Мы уже обратили внимание на то, что в более поздних работах для лучшего понимания и объяснения процесса институциональных изменений Д. Норт вводит в анализ идеологию и культуру, исторические особенности (так называемый эффект исторической обусловленности развития). Российские экономисты О. Аналин и М. Одинцова предлагают охарактеризовать используемый Д. Нортом метод как «институциональный индивидуализм». Такой подход предполагает, что действия индивида ограничены существующей институциональной средой, но вместе с тем он может менять институциональную структуру в соответствии со своими предпочтениями. Идеологические убеждения, моральные

принципы могут приводить к минимизации трансакционных издержек. Идеология, считает Д. Норт, играет ключевую роль в принятии решений каждым отдельным человеком. «Индивидуальные представления о честности и справедливости правил игры явно воздействуют на эффективность экономического поведения» [4. С. 309].

На сближение позиций Д. Норта со старым институционализмом обращают внимание такие исследователи, как М. Ратерфорд, О. Ананьин, А. Олейник, Г. Литвинцева. М. Ратерфорд подчеркивает: «Если серьезно воспри-

нимать различные утверждения Норта относительно важности ментальных конструкций, идеологий и культуры, то можно сделать вывод, что он пытается навести мосты между традиционным взглядом на человека как рационального максимизатора и старым институциональным представлением о человеке как продукте культуры» [1. С. 135]. Вместе с тем обращается внимание на противоречивость попыток объединить описание максимизирующего индивида с представлением об индивиде, руководствующимся социальными нормами и правилами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьин О.И., Одинцова М.И. Методология экономической науки: современные тенденции и проблемы // Истоки. М., 1999. Вып. 4.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
3. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3.
4. Норт Д. Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. М., 1993.
5. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. Т. 1. 1993. Вып. 2.
6. Олейник А.Н. Институциональная экономика: Учеб. пособ. М.: ИНФРА-М, 2000.
7. Олсон М. Возвышение. Экономический рост и упадок. Стагфляция народов. Социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998.
8. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001.
9. North D. Structure and Change in Economic history. N.-Y.: Norton, 1981.
10. North D., Thomas R. The Rise of the Western World: A New Economic History, Cambridge, Cambridge University Press, 1973.
11. The Economics of Property rights. Ed by Furuboth E.G., Pejovich S., Cambridge, 1974.

Статья представлена кафедрой политической экономии экономического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Экономические науки» 15 марта 2004 г.